

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт

Кафедра гражданского права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Н. Ф. Качур

подпись

инициалы, фамилия

« » 2020 г.


БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01. Юриспруденция

Лицензионный авторский договор, заключенный на онлайн – платформе:
проблемы правового регулирования

Научный руководитель Рычкова 05.06.2020 ст. преподаватель Н. Ю. Рычкова
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник


подпись, дата

А. В. Шевцова
инициалы, фамилия

Консультант

Кратенко 05.06.2020 к.ю.н., доцент М. В. Кратенко
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание.....	2
Введение.....	3
1. Цифровые (онлайн) платформы: общая характеристика.....	7
1.1. Понятие онлайн – платформ. Агрегаторы и маркетплейсы	7
1.2. Субъекты цифровых платформ	16
2. Лицензионный договор, заключенный на онлайн – платформе	26
2.1. Порядок заключения лицензионного договора на цифровых платформах	26
2.2. Особенности исполнения лицензионного договора.....	39
2.3. Ответственность за нарушение условий лицензионного договора, заключенного на онлайн – платформах.....	46
Заключение	53
Список использованных источников	56

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и разработанность темы. Интеллектуальная собственность и связанные с ней проблемы правового регулирования всегда находились в центре внимания, в том числе и в настоящее время, что подтверждается, в частности, проведением многочисленных международных конференций и форумов¹. Высокий интерес к этой сфере во многом обусловлен технологической «цифровой» революцией. Так, стремительно развивающиеся информационные технологии выявляют пробелы в современном гражданско – правовом регулировании, тем самым актуализируя необходимость его адаптации к происходящим трансформациям.

Колоссальные «метаморфозы» в сферах жизни общества произошли с появлением онлайн – платформ, во многом изменивших и (или) упростивших сложившуюся деятельность, уже ставшую в некотором роде традиционной. В наибольшей степени эти перемены коснулись коммерции, отношений с потребителями. Тем не менее, эти технологии применяются и в иных сферах. Например, цифровые платформы облегчают решение задач по регистрации патентной информации, что уже реализуется Роспатентом².

Однако возможности, предоставляемые онлайн – платформами, можно успешно применять не только в патентном праве. Постоянно развивающиеся и совершенствующиеся цифровые технологии непосредственным образом оказывают влияние на сферу авторского права, что проявляется и в появлении новых, до этого немислимых способов использования результатов интеллектуальной деятельности.

¹ См.: Защита прав интеллектуальной собственности – 25-26 Июня 2020, Москва – 5-я Международная конференция. URL: <https://bwforum.ru/conference/intellectual-property2020> (дата обращения: 08.05.2020); Международный Форум Фестиваль «Интеллектуальная собственность для будущего». URL: <https://ipforfuture.com/> (дата обращения: 08.05.2020); Третий Международный стратегический форум по интеллектуальной собственности Digital IP & IPQuorum перенесен на 2021 год из-за коронавируса. URL: <https://rupto.ru/ru/news/mezhd-strateg-forum-digital-ip-ipquorum-2020?fbclid=IwAR2hYkRP2d9W8ZiyWJ6v4rnMuiCxeP7Dhd3BUeMgu1Seak4syfg5xOw0Lw> (дата обращения: 08.05.2020).

² См.: Роспатент использует отечественное ПО в создании цифровых платформ – Интерфакс. URL: <https://rupto.ru/ru/news/rospatent-ispolzuet-otechestvennoe-po-v-sozdanii-cifrovyyh-patentnyh-platform> (дата обращения: 08.05.2020); Яндекс – патенты: поиск по патентным документам. URL: <https://yandex.ru/patents?dco=RU&dco=SU&dfr=2020.&dl=ru&dt=0&dt=1&dt=2&from=tabbar&s=0&sp=0&sp=10&st=0> (дата обращения: 08.05.2020).

На фоне глобализации и «стирания» границ цифровые платформы выглядят как нельзя лучшим и эффективным средством для распоряжения исключительными правами в сети Интернет. К тому же, идея о введении единой платформы или портала для предоставления лицензий уже является одним из приоритетов европейских авторских обществ, стремящихся улучшить отношения с пользователями³. В качестве примера можно выделить Великобританию, правительству которой в 2011 году профессором Харгривз было предложено создать первый в мире цифровой оборот исключительных авторских прав – Digital Copyright Exchange (DCE)⁴.

Объектом исследования выступают договорные общественные отношения, складывающиеся в сфере гражданско – правового регулирования интеллектуальной собственностью.

Предметом исследования являются основные тенденции развития исключительного права в период электронно – цифровой эпохи, национальное и зарубежное законодательство, судебная практика, а также научные труды российских и зарубежных ученых по проблемам применения цифровых платформ для заключения лицензионных договоров.

Целью настоящего исследования является изучение влияния применения цифровых (онлайн) платформ для распоряжения исключительным правом посредством лицензионного договора и анализ складывающихся в связи с этим проблем.

В соответствии с предметом и поставленной целью исследования определены следующие **исследовательские задачи**, на решение которых направлена данная работа:

– Определить понятие «онлайн – платформа» и охарактеризовать отличительные черты технологических платформ.

³ Энтин, В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. С. 112.

⁴ Digital opportunity. A review of intellectual property and growth. An Independent Report by Professor Ian Hargreaves [Электронный доступ] May 2011, p. 4.

- Провести сравнение онлайн – платформ, агрегаторов и маркетплейсов.
- Дать характеристику субъектам цифровым платформ и проанализировать правовую природу отношений, возникающих между ними.
- Рассмотреть порядок заключения лицензионного авторского договора на онлайн – платформе и его особенности.
- Охарактеризовать особенности исполнения лицензионного договора, заключенного на цифровой платформе. Провести сравнение со смарт – контрактами.
- Исследовать вопрос об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий лицензионного договора, в том числе ответственность владельца цифровой платформы.

Методология. Методологической основой выпускной квалификационной работы послужили общенаучные, специальные и частнонаучные методы познания. Использовались такие методы, как: системный, логический, исторический, лингвистический, структурно – функциональный и др.

Источниками являются нормы права, регламентирующие институт гражданско – правовых договоров и интеллектуальной собственности. В ходе исследования были изучены работы как зарубежных (например, М. Kenney, J. Zysman), так и российских авторов (А. А. Карцхия, М. А. Рожкова, А. А. Иванов, Т. В. Дерюгина и др.). Кроме того, было исследовано как национальное, так и зарубежное законодательство, в том числе и акты международных организаций.

Структура работы определена целями и задачами исследования. Дипломная работа состоит из введения, 2 глав и 5 параграфов, в которых раскрываются и решаются поставленные перед исследователем задачи, а также заключения и списка использованных источников.

Первая глава включает в себя два параграфа. В первом параграфе рассмотрено понятие цифровых (онлайн) платформ. Кроме того, дана краткая

характеристика агрегаторам и маркетплейсам. Второй параграф посвящен субъектам онлайн – платформ.

Вторая глава состоит из трех параграфов. Параграф 2.1. посвящен непосредственно порядку заключения лицензионного договора на онлайн – платформе. Параграф 2.2. раскрывает особенности исполнения таких лицензионных договоров. И, наконец, в заключительном параграфе рассматриваются вопросы ответственности за нарушение условий лицензионного договора, заключенного на цифровой платформе.

Заключение содержит основные выводы, сделанные в течение всего исследования.

1. ЦИФРОВЫЕ (ОНЛАЙН) ПЛАТФОРМЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. ПОНЯТИЕ ОНЛАЙН – ПЛАТФОРМ. АГРЕГАТОРЫ И МАРКЕТПЛЕЙСЫ

За последние несколько десятилетий глобализация экономики оказала значительное влияние на многие, если не на все отрасли права⁵. Бурный научно – технологический прогресс, свидетелем которого стало современное общество, а также происходящая в настоящее время цифровизация экономического оборота, несомненно, оказывают влияние на развитие общественных отношений и, кроме того, изменяют устоявшиеся, традиционные правовые институты, определяют вектор их дальнейшего развития⁶.

Бесспорно, что среди важнейших технологических достижений, преобразивших жизнедеятельность человека, особое место занимают Интернет, персональные компьютеры, смартфоны и пр. Однако человечество не стоит на месте. В связи с чем на свет появляются новые «продукты». Одной из таких революционных технологий, новым явлением цифровой трансформации стали цифровые (онлайн) платформы.

Терминология, применяемая к указанным платформам, достаточно обширна: это и «цифровые платформы», «онлайн – платформы», также «технологические платформы», «онлайн – площадки», наконец, «digital platforms». Однако вне зависимости от того, какая бы терминология ни использовалась, один факт остается неизменным: цифровые платформы, будучи новым витком развития экономики, требуют соответствующего правового регулирования, которое, к сожалению, не всегда оперативно реагирует на происходящие экономические изменения и потребности

⁵ См.: Snyder, Francis. Economic globalisation and the law in the 21st century // Sarat Austin (ed.) The Blackwell Companion to Law and Society. Blackwell Companions to Sociology. Blackwell Publishing. 2004. P. 625.

⁶ Богданова, Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7. С. 108.

общества. Широкое применение цифровых платформ обуславливает необходимость адаптации существующих правовых институтов.

С онлайн – платформами также тесно связаны такие понятия как «агрегаторы» и «маркетплейсы». Однако прежде обратимся непосредственно к понятию цифровых платформ. Примечательно, что, российский законодатель хотя уже и сделал некоторые шаги в сторону правового урегулирования новых общественных отношений (в частности, определил понятие «владелец агрегатора» и распространил на них действие норм Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁷), тем не менее, в национальном законодательстве не содержится легального определения онлайн – платформ.

В научной литературе, а также зарубежном законодательстве феномену цифровых платформ уделено более пристальное внимание. В связи с этим наблюдается широкая вариативность легальных и доктринальных определений. Между тем, такое «изобилие» в какой – то мере предопределяет и сложность категории «цифровых платформ», поскольку отсутствие четкого определения не позволяет точно установить конкретное ее содержание⁸.

Платформу определяют как совокупность онлайн-овых цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности⁹. В самом же общем виде цифровую технологическую платформу можно охарактеризовать как определенную сетевую систему взаимодействия пользователей: продавцов и покупателей или, применительно к предмету настоящей работы – лицензиаров и лицензиатов¹⁰.

⁷ О защите прав потребителей : закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁸ Kenney M., Zysman J. Там же. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. 2016. Vol. 32. № 3. P. 65.

⁹ Kenney M., Zysman J. Там же.

¹⁰ См.: Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 37.

А. А. Карцхия приводит более развернутое определение: «цифровые технологические (онлайн) платформы (digital platforms) – это комплекс технологических решений в цифровом пространстве сети Интернет на основе сочетания программных алгоритмов (компьютерных кодов), компьютерного технологического оборудования, "облачных" вычислений, больших баз данных, а также других цифровых технологий (блокчейн – технологии, аналитика данных, искусственный интеллект и т.д.)»¹¹.

Появление цифровых платформ, так стремительно трансформирующих устоявшиеся общественные отношения, не осталось незамеченным международными органами. В решении Высшего Евразийского экономического совета цифровая платформа определена как система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающей возможность их бесшовного взаимодействия. Представляется, в указанном решении понятию онлайн – платформы придается широкое толкование¹². Также отметим, что в данном документе сервисы цифровых платформ рассматриваются в качестве основы для «цифровой экосистемы», т.е. открытой устойчивой системы, включающей субъекты цифровой экосистемы (физических, юридических, виртуальных и пр.), а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме.

Заслуживает отдельного внимания деятельность высшего органа исполнительной власти Европейского союза, точнее, ее направление – цифровая стратегия¹³. Создание в Европейском союзе доверительной, законной и инновационной среды онлайн – платформ представляет собой реализацию одного из политических приоритетов Европейской комиссии. Так, в Сообщении Еврокомиссии «Онлайн – платформы и Единый цифровой

¹¹ Карцхия, А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25.

¹² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. N 12 "Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года". URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (дата обращения: 28.03.2020).

¹³ A Europe fit for the digital age. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age_en (дата обращения: 29.03.2020).

рынок» платформы определены как двусторонние или многосторонние рынки, на которых пользователи объединяются с оператором платформы в целях содействия их взаимодействию (обмен информацией, коммерческие сделки и т.д.)¹⁴.

Примечательно, что в окончательном варианте документа определение было скорректировано: онлайн – платформы описаны как основанные на программном обеспечении средства, предлагающие двух – или даже многосторонние рынки, на которых могут «встретиться» поставщики и пользователи контента, товаров и услуг¹⁵. В соответствии с проведенным специально по заказу Европейского парламента исследованием онлайн – платформа обеспечивает (технологическую) основу для предоставления или агрегирования услуг (контента) и является посредником между поставщиками услуг (контента) и конечными пользователями¹⁶.

Специальный комитет Палаты лордов рассматривает «цифровые платформы» как предприятие, действующее на двух – или многосторонних рынках, использующее Интернет для обеспечения взаимодействия между двумя или более отдельными, но взаимозависимыми группами пользователей (потребителей)¹⁷.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, онлайн – платформа выступает неким связующим звеном, посредником между участниками на разных сторонах, которые зачастую находятся на значительном расстоянии друг от друга. Во-вторых, как комплекс высоких технологий платформы осуществляют указанное посредничество в виртуальном пространстве Интернета.

¹⁴ Staff working document on online platforms and the Digital Single Market. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=15947 (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «A Digital Single Market Strategy for Europe», May 25, 2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015SC0100&from=EN> (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁶ Digital platforms: an analytical framework. European Parliament, Challenges for Competition in a Digitalised Economy, July 2015. URL: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes> (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁷ Online platform and the Digital Single Market. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldecom/129/129.pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

Технология цифровых платформ применяется для разнообразных видов деятельности. В основу многих не только растущих компаний, но и уже состоявшихся бизнес – гигантов заложены принципы платформенной бизнес – модели. При этом существующие яркие «представители» онлайн – платформ осуществляют «предоставление множеству доступа к множеству»: такси Uber (перевозчики и пассажиры), «магазин приложений» Apple для операционной системы iOS (приложения и пользователи iPhone), платформа AirBnB, предоставляющая возможности для сдачи жилья в аренду (арендодатели и арендаторы), а также поисково – информационные системы (Google, Yandex), социальные сети (Facebook, VK), площадки электронной торговли (eBay, Aliexpress) и другие.

Столь динамичное развитие разнообразных онлайн – платформ отмечено и Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD): многообразные онлайн – платформы создают маркетплейсы (электронные площадки), на которых осуществляется не только торговля товарами, но также оказываются услуги и происходит обмен информацией – как в физической, так и цифровой форме. Между тем, OECD подчеркивает, что большинство из цифровых платформ ориентировано на сопоставление спроса и предложения информации (в частности, социальные сети, поисковые системы), либо предоставляет рынки электронной торговли (товарами и (или) услугами), либо указанные платформы служат усовершенствованным решением для осуществления электронных платежей¹⁸.

Сфера финансовых услуг также постепенно переходит на онлайн – платформы. Это проявляется в условиях о дистанционном банковском обслуживании в договорах банковского вклада, банковского счета кредита, использовании онлайн – отношений микрофинансовыми организациями, системе кредитования P2P («от равного к равному»)¹⁹.

¹⁸ OECD Digital Economy Outlook 2017. OECD Publishing. 2018. P. 206 - 207.

¹⁹ Останина, Е. А. Есть ли потребитель в системе P2P-Финансирования // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей. М.: Статут, 2019. С. 5.

Как представляется, деятельность, возможности для которой предоставляются онлайн – платформами, во многом обусловлена особенностями рассматриваемой технологии. Платформы, выступающие в качестве одного из аспектов прогнозируемой четвертой промышленной революции, все в большей степени абстрагируются от права собственности на приводимые ею в движение материальные объекты: так, Facebook не создает контент, а компания Uber не владеет такси²⁰.

Сегодня такую бизнес – модель, в основе которой лежит использование цифровой платформы (или мобильного приложения), называют «убер», а процесс ее распространения – «уберизация»²¹. Корни терминологии идут от компании Uber Technologies Inc., которая, как уже было сказано выше, занимается организацией перевозок пассажира и багажа легковым такси, но при этом перевозчиком не является (собственно, как и не является владельцем транспортных средств).

Очевидно, что сферы, в которых применяются онлайн – площадки, обширны. В связи с этим в доктрине предлагаются различные классификации цифровых технологических платформ, основным критерием для которых выступает функциональная направленность. В работе зарубежных ученых, посвященной вопросу необходимости регулирования технологических платформ, выделяют платформы, предоставляющие: а) доступ к информации (контенту); б) доступ к персональным данным («частному контенту»), например, социальные сети; в) доступ к товарам и (или) услугам, предлагаемым третьими сторонами; г) доступ к рабочей силе или к интеллектуальным возможностям людей; д) доступ к деньгам или капиталу, например, платежные системы)²².

Наряду с «онлайн – платформами» широко применяются такие термины, как «агрегаторы» и «маркетплейсы». В литературе также

²⁰ Энтин, В. Л. Указ. соч. С. 45.

²¹ Молотников, А. Е., Архипов, Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 42.

²² Strowel, Alain, Vergoute, wouter. Digital Platforms: To Regulate or Not To Regulate? URL: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/ucloouvain_et_universit_saint_louis_14044.pdf (дата обращения: 29.03.2020).

встречается термин «агрегатор электронной коммерции» в связи с тем, что «средой обитания» агрегаторов является информационно – телекоммуникационная сеть Интернет²³.

Отметим, что зачастую указанные понятия (в основном «цифровые платформы» и «агрегаторы») рассматриваются и используются в качестве синонимов. Такой позиции придерживаются М. Рожкова и Л. Кузнецова, по мнению которых агрегатором (электронной площадкой) является целая технологическая платформа, представляющая собой систему, объединяющую соответствующие компьютерные программы, базы данных, доменное имя, веб – сайт и проч., которая обеспечивает подготовку, получение, хранение, обмен или иную обработку данных (в том числе и их безопасность) и функционирование сети продавцов и покупателей, вовлеченных в куплю – продажу товаров²⁴. В свою очередь «маркетплейс» (англ. marketplace – место торговли, рынок товаров) есть «товарный агрегатор». Соответственно, термин «агрегатор» используется как обобщающий для обозначения электронной площадки, используемой в разнообразных направлениях коммерции (поиск гостиниц, новостные агрегаторы и т.д.).

А. И. Бычков сравнивает маркетплейс с электронной витриной: предприниматели, присоединившиеся к правилам работы на платформе, размещают свои предложения о продаже товаров, адресованные неопределенному кругу покупателей. Таким образом, удобство маркетплейса определено представлением в одном месте большого количества разнообразных товаров, возможностью узнать информацию о продавцах, товарах, а также отзывы других покупателей и оплатить (зарезервировать) товар на этой же платформе²⁵.

Поскольку деятельность, осуществляемая на онлайн – платформах не всегда связана с коммерцией (социальные сети или, например, поисково –

²³ Кузнецова, Л. В. Вопросы гражданско-правовой ответственности агрегаторов электронной коммерции // Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей. М.: Статут, 2019. С. 40.

²⁴ См. Рожкова М., Кузнецова Л. Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 27 – 34.

²⁵ Бычков, А. И. Агрегаторы и маркетплейсы // Экономико-правовой бюллетень. 2019. № 12. С. 60.

информационная), следовательно, отождествлять «цифровую платформу» и «агрегатора» не всегда является верным, поскольку по своему содержанию понятие «онлайн – платформа» является более широким. Таким образом, «цифровая платформа», «агрегатор» и «маркетплейс» следует рассматривать как род, вид и подвид соответственно.

Ранее было отмечено, что российский законодатель относительно недавно определил понятие «владелец агрегатора», рассматривая последнего как субъекта соответствующих отношений. Также во многих научных работах, в том числе и зарубежных, агрегатор представляет собой именно технологическую платформу (или программу для ЭВМ, сайт и (или) страницу сайта в Интернете). Вместе с тем в литературе встречается позиция, в соответствии с которой субъект обозначается именно термином «агрегатор», а не «владелец агрегатора»²⁶. По мнению Л. В. Кузнецовой, являющейся представителем последнего подхода, указанные расхождения терминологического свойства не влияют на гражданско – правовое существо отношений, складывающихся между участниками платформы²⁷.

Тем не менее, верным представляется первый подход, в рамках которого в качестве агрегатора рассматривается именно цифровая платформа, а не какой – либо субъект (индивидуальный предприниматель, юридическое лицо). Предполагается, что сторонники второго подхода исходят из общего определения агрегатора, под которым понимается «тот, кто собирает и группирует объекты»²⁸. Вместе с тем в сфере электронной коммерции термин «агрегатор» не в общем, а специальном значении, в соответствии с которым агрегатор является платформой, электронной торговой площадкой²⁹.

²⁶ См.: Молотников, А. Е., Архипов, Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38 – 47, Иванов, А. А. Бизнес – агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145 – 156.

²⁷ Кузнецова, Л. В. Указ. соч. С. 41.

²⁸ Aggregator | Definition of Aggregator at Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/aggregator> (дата обращения: 31.05.2020).

²⁹ См.: Там же; AGGREGATOR (noun) definition and synonyms | Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/aggregator> (дата обращения: 31.05.2020).

Таким образом, цифровая платформа представляет собой комплекс вычислительной техники и программных средств, который обеспечивает взаимодействие двух или более пользователей в сети Интернет и используется для осуществления разнообразной, в том числе и предпринимательской, деятельности. Онлайн – платформы, создавая специальную инфраструктуру в виртуальном пространстве, выступают связующим звеном между участниками платформ. Предлагаемые ими возможности активно используются во многих сферах деятельности, а появление агрегаторов и маркетплейсов уже оказало существенное влияние на сферу торговли и потребительских услуг. В этой связи вопрос о гражданско – правовом урегулировании новой сферы общественных отношений на сегодняшний момент стоит как нельзя остро.

1.2. СУБЪЕКТЫ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Появление цифровых платформ является неким продуктом происходящих цифровых преобразований, а столь существенное воздействие на общественные отношения потребовало оперативного реагирования как в законодательной, так и научной сфере. Но помимо вопроса о содержании понятия «онлайн – платформа», определения того, что именно она собой представляет, на сегодняшний день существует и другая не менее важная дискуссионная проблема.

Очевидно, что комплекс вычислительной техники и программных средств не может возникнуть ни откуда и существовать сам по себе – за ним всегда кто – то стоит. В этой связи, по мнению профессора А. А. Карцхия, в настоящее время цифровые технологические платформы (цифровые корпорации) формируются как новые субъекты цифрового гражданского оборота³⁰. Между тем, появление такого нового субъекта привнесло множество сложностей в определение правовой природы отношений, складывающихся между участниками платформ.

Прежде чем обратиться к обозначенной проблеме, необходимо определить, какие именно субъекты «встречаются» на цифровых платформах. Поэтому для начала рассмотрим «традиционных участников» – непосредственно самих контрагентов.

Отметим, что широкое использование цифровых платформ именно в коммерческой сфере предопределило вектор научных исследований, в том числе и по вопросу о субъектах онлайн – платформ. Соответственно, как в доктрине, так и в законодательстве уклон сделан в основном на отношения, складывающиеся между потребителями и поставщиками товаров, работ и услуг.

Однако в настоящей работе исследуется использование платформ для заключения лицензионных договоров. В этой связи необходимо отметить следующее. Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав

³⁰ Карцхия, А. А. Указ. соч. С. 28.

потребителей» регулирует отношения с потребителями, которые используют приобретенные товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных и домашних нужд. Предоставляемое по лицензионному договору право пользования никак не подходит под признаки товара, работы и услуги, определенные Пленумом Верховного Суда РФ в подпункте «б» пункта 3 Постановления от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Так, например, право использования не может быть определено родовыми признаками (числом, весом, мерой), поскольку отличается нематериальным характером. Кроме того, из статьи 128 ГК РФ также следует, что исключительное право, будучи имущественным правом, в принципе не является вещью, работой или услугой.

Таким образом, Закон от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» не распространяется на отношения по распоряжению исключительным правом, в том числе посредством заключения лицензионного договора. Соответственно, лицензиаров нельзя рассматривать как производителей, а лицензиатов – как потребителей, а их дальнейшее совместное упоминание используется для разъяснения структуры складывающихся на платформе отношений.

Итак, с одной стороны, это потребители или, применительно к лицензионному договору, лицензиаты. В соответствии со статьей 1235 и пунктом 1 статьи 1286 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ, Гражданский кодекс) под лицензиатом понимается лицо, которому за вознаграждение (или безвозмездно) предоставлено право использования результата интеллектуальной деятельности (произведения) в пределах, предусмотренных лицензионным договором. При этом ГК РФ не ограничивает круг субъектов, которые могут выступать в качестве лицензиатов. Соответственно, ими могут быть как юридические лица и индивидуальные предприниматели, так и физические лица.

В то же время необходимо учитывать, что помимо самого

лицензионного договора ГК РФ были урегулированы и некоторые его разновидности, предусматривающие особенности, связанные, в том числе, с субъектным составом. Так, в статье 1287 ГК РФ, закрепляющей нормы об издательском лицензионном договоре, в качестве лицензиата (пользователя) фигурирует издатель, то есть лицо, на которое возлагается обязанность издать произведение. В соответствии со статьей 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» под издателем понимается издательство, иное учреждение, предприятие (предприниматель), осуществляющее материально – техническое обеспечение производства продукции средства массовой информации, а также приравненное к издателю юридическое лицо или гражданин, для которого эта деятельность не является основной либо не служит главным источником дохода³¹.

Из данного определения следует, что, с одной стороны, субъектный состав данного договора не отличается от лицензионного: лицензиатами могут как юридические и физические лица, так и предприниматели. С другой стороны, лицензиат должен отвечать признакам издателя. В самом же договоре должна быть закреплена особая обязанность лицензиата – использовать произведение путем его издания. Соответственно, при заключении издательского лицензионного договора на онлайн – платформе требования, предъявляемые к лицензиату и самому издательскому лицензионному договору, также должны быть выполнены.

Наряду с потребителями (лицензиатами) на цифровых платформах «присутствуют» и лица, которые предоставляют товары, работы, услуги, а именно – производители. Применительно к лицензионному договору лицом, представляющим на платформе право использования результата интеллектуальной деятельности, является лицензиар.

Согласно пункту 1 статьи 1235 и пункту 1 статьи 1286 ГК РФ лицензиаром является обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности. Как и в случае с лицензиатами,

³¹ О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) // Российская газета. № 32. 1992.

лицензиарами могут выступать физические и юридические лица с индивидуальными предпринимателями. Однако при этом необходимо учитывать, кем именно является лицензиар – правообладателем или автором, поскольку данный факт диктует определенные особенности субъектного состава и оснований возникновения исключительного права, что бесспорно является существенным для заключения лицензионного договора.

В эпоху глобализации и цифровизации экономики онлайн – платформы, объединяющие потенциальных контрагентов, расположенных зачастую на огромном расстоянии друг от друга, способны выручить как лицензиаров, заинтересованных в заключении лицензионных договоров и получении по ним вознаграждения, так и лицензиатов, стремящихся использовать конкретный результат индивидуальной деятельности определенными способами. При этом представляется, что цифровые платформы позволят по – новому взглянуть на неисключительные, в том числе и открытые лицензии. Такое упрощение поиска контрагента во многом обусловлено смыслом деятельности многих платформ, состоящего в широте охвата участников (потребителей и производителей, лицензиаров и лицензиатов).

Круг лиц, которых объединяют онлайн – платформы, не ограничивается лишь традиционными субъектами – сторонами договора. Особенности цифровых платформ как системного комплекса вычислительной техники, различных технологий, баз данных, программ для ЭВМ и прочего связаны и со специальными субъектами, одним из которых выступает владелец технологической платформы.

В первом параграфе настоящей работы было отмечено, что с недавних пор в Законе РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» содержится легальное определение понятия «владелец агрегатора». Представляется, что, несмотря на нормативное закрепление, данное определение нельзя использовать как универсальное. Во-первых, это обусловлено отношениями, которые составляют предмет регулирования

настоящего закона (между потребителями и продавцами, изготовителями и так далее). Во-вторых, сферой деятельности самих агрегаторов (коммерция).

С другой стороны, если отойти от специфики вышеуказанных отношений, то из достаточно массивного определения в сухом остатке остается, что владельцем является «организация независимо от организационно – правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами» агрегатора (цифровой платформы). Аналогичной позиции по вопросу того, какие лица могут владеть онлайн – платформами, придерживается и профессор А. А. Карцхия³². В целом же под владельцем стоит понимать правообладателя соответствующей цифровой платформы.

Не исключаются и на практике возникают ситуации, когда владелец платформы осуществляет ее эксплуатацию, эксплуатацию электронной площадки не самостоятельно. В этом случае эксплуатантами выступают администраторы или операторы платформы³³. Как считает Е. А. Останина, администрирует цифровую платформу особое юридическое лицо³⁴. Представляется, что такой подход не совсем верен. По нашему мнению, если владельцем может быть как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель, то для исключения последнего из числа лиц, которые могут быть оператором или администратором платформы, не имеется.

Согласно точке зрения Т. В. Дерюгиной, потребителей и производителей следует рассматривать как две отдельные группы субъектов, которые вступают в правоотношения с агрегатором в лице его владельца (оператора, администратора). В этой связи возникают и две группы договорных отношений: во-первых, между агрегатором и производителем, то есть лицом, которое размещает информацию о себе, товарах, работах и услугах на платформе, и, во-вторых, между агрегатором и лицом, который использует площадку агрегатора для получения необходимых товаров, работ

³² Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. Москва, 2019. С. 20 – 21.

³³ М.Рожкова, Л.Кузнецова. Указ. соч. С. 29.

³⁴ Останина, Е. А. Указ. соч. С. 6.

и услуг³⁵.

Исследуя законодательство европейских стран, А. А. Карцхия делает вывод, что в основном оно направлено на регулирование двусторонних отношений между потребителем и поставщиком. В то же время цифровая платформа усложняет организацию взаимодействия сторон: чаще всего онлайн – платформы суть трехсторонние бизнес – модели. Это значит, что помимо соглашения (договора), который заключают контрагенты между собой на платформе, каждой из сторон отдельно требуется заключить соглашение и с оператором платформы³⁶.

Теперь необходимо обратиться к дискуссионному вопросу, который был обозначен выше, а именно – правовая природа отношений, возникающих с участием цифровых платформ. Также заранее обозначим, что модели отношений (или группы договоров), которые будут рассмотрены ниже, выделяются учеными применительно к агрегаторам. Но сфера исключительных прав, несомненно, отличается от сферы торговли товарами, работами и услугами. В этой связи в данном параграфе будет дана лишь общая характеристика. Особенности, возникающие в связи с применением данных моделей при заключении лицензионных договоров, будут рассмотрены во второй главе.

А. Е. Молотников и Е. В. Архипов, рассматривая разновидности агрегаторов, выделяют две модели отношений с их участием³⁷. Первая тождественна той, по которой работает компания Uber. Особенности данной модели заключаются в следующем. Конкретного исполнителя заказчику агрегатор подбирает самостоятельно. По сути, по мнению профессора А. А. Карцхии, платформа оказывает услугу по подбору исполнителя³⁸. При этом (что нетипично) цены на услуги исполнителей устанавливает также сам агрегатор. Для Еврозоны характерно представление о цифровых платформах

³⁵ Дерюгина, Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. 2018. № 6. С. 4.

³⁶ Карцхия, А. А. Указ. соч. С. 209.

³⁷ Молотников, А. Е., Архипов, Е. В. Указ. соч. С. 43.

³⁸ Карцхия, А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 27.

в основном как о поставщиках услуг информационного сообщества, или, в соответствии с Директивой ЕС, услуг, предоставляемых «по индивидуальному запросу получателя, как правило, за вознаграждение, на расстоянии посредством электронного оборудования, которое используется для переработки (включая цифровое сжатие) и сохранения информации»³⁹.

Вторая модель является более простой в том смысле, что агрегатор практически не осуществляет деятельности по организации оказания соответствующих услуг. Заказчик самостоятельно на основе представленных вариантов осуществляет поиск и выбор контрагента, заключая непосредственно с ним договор. В этой модели агрегатор лишь представляет платформу (электронную площадку), в то время как условия и цену оказания услуг устанавливают сами исполнители, в связи с чем роль агрегатора является менее активной.

Ранее неоднократно было отмечено, что деятельность цифровых платформ по объединению контрагентов рассматривается как посредничество, что также явствует из описанных выше моделей. При этом исключительная черта такого посредничества состоит в соединении использования сети Интернет и специальных приложений для мобильных устройств, а также универсальном механизме (компьютерной программе), которая как раз и объединяет участников отдельного сегмента рынка⁴⁰.

Но все это является характеристикой посредничества с экономической точки зрения. Что касается юридической квалификации, правовой природы отношений, складывающихся между всеми участниками, в том числе и самой платформой, то рассмотренные две модели на данный вопрос не отвечают.

Более подробно данная проблема была исследована А. А. Ивановым.

³⁹ Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depsanmer/consumer_rights/Documents/%D0%94%D0%B8%D1%80%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%202000%2031%20%D0%95%D0%A1%20%D0%9E%D0%B1%20%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D1%82%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

⁴⁰ Иванов, А. А. Указ. соч. С. 151 – 152.

Он выделил пять моделей, на основе которых могут быть построены договорные отношения с участием агрегатора: представительства, комиссии, передачи товаров, выполнения работ, оказания услуг, смешанная модель, модель *sui generis*⁴¹.

Модель представительства основывается на использовании договора поручения, а также агентского договора (но в разновидности, к которой применяются правила о договоре поручения). Если такие договоры используются в отношениях с каждой из двух групп субъектов, использующих платформу, то имеет место двойное представительство. В противном случае использование договора поручения только с одной стороной приводит к смешанной модели.

Следующая по порядку модель, в отличие от представительства, не подвергается ограничениям, установленным пунктами 3 и 4 статьи 182 ГК РФ. Однако сам ученый ставит данный факт под сомнение, поскольку все равно возможен конфликт интересов. Также А. А. Иванов отвечает, что на практике двойная комиссия в принципе не встречалась ввиду отсутствия экономического смысла брать комиссионное вознаграждение дважды. Использование модели комиссии также для оформления отношений лишь с одной стороной снова приводит к смешанной модели.

Третья модель представляется автору более удобной по сравнению с предыдущими. С одной стороны это и конструирование достаточно длинных договорных цепочек, с другой – ГК РФ не ограничивает в одновременном использовании нескольких одинаковых договоров в отношениях между контрагентами. Ключевой момент – в цепочке договоров «каждый ее участник, за исключением конечного потребителя, выполняет какую-то самостоятельную функцию, которая при этом не будет носить характер посреднической». Как и в предыдущих случаях, необходимо заключение нескольких основных договоров, иначе – снова смешанная модель.

Из названия становится понятно, смешанная модель сочетает в себе

⁴¹ Там же. С. 152 – 155.

несколько видов договоров. По замечанию А. А. Иванова, разные договоры не могут распределяться произвольно, кроме того в любой смешанной модели должны быть договоры основные (например, купля – продажа) и вспомогательные (поручение и т.п.). Автор также приводит варианты сочетаний договоров, которые отличаются друг от друга наличием ответственности агрегатора за исполнение основного договора, а также участием цифровой платформы в расчетах.

Возможной можно считать последнюю модель *sui generis*, которая более предпочтительна для лиц, пытающихся обосновать новую правовую природу агрегаторов. При всем при этом специфику данной конструкции А. А. Иванов видит в особом порядке согласования волеизъявлений в сетевом пространстве. При обычной модели лицо не знает условий договора, в котором не принимает участия. Да и в целом увязать с таким договором принятия решения по другому достаточно сложно. Все обстоит иначе с заключением договоров на платформе, а точнее – в рамках сетевой инфраструктуры, в рамках которой можно объединить несколько волеизъявлений контрагентов (более двух) в одной договорной конструкции. Однако в настоящее время договоры *sui generis* судебная практика пытается разложить их на несколько договоров.

Наконец, попытка определить правовую природу договорных отношений агрегатора с участниками была предпринята Пленумом Верховного Суда РФ. Так, в проекте Постановления Пленума содержалось разъяснение (путем указания на статью 1005 ГК РФ), в соответствии с которым правоотношения между агрегатором и пассажиром, которому причинили вред при перевозке, следует рассматривать как агентские⁴². Однако в итоговой редакции данное положение отсутствует, лишь содержится указание на возможность заключения договора через агента, что в принципе и так следует из действующего ГК РФ.

⁴² О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортным грузом, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8. С. 6 – 11.

Из вышесказанного следует, что основными субъектами цифровых платформ являются «традиционные участники» – контрагенты по договору, а также непосредственно сама онлайн – платформа как новый специальный субъект в лице ее владельца или оператора (администратора), когда эксплуатация площадки делегируется ее владельцем. Помимо основного договора, который заключают стороны, появляется и дополнительный договор, которым оформляются посреднические отношения с платформой. Однако в настоящее время в судебной практике и российском законодательстве вопрос о правовой природе договорных отношений, возникающих между агрегатором и субъектами гражданского оборота, остается открытым. Представляется, что пока, с учетом деятельности большинства агрегаторов в виде простого предоставления информационных услуг, единого «пространства» для заключения договоров, приемлемым вариантом является модель договора оказания услуг.

2. ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ НА ОНЛАЙН – ПЛАТФОРМЕ

2.1. ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

До рассмотрения особенностей, которые приносят цифровые платформы в сферу распоряжения исключительными правами, прежде необходимо обратиться к общему порядку и условиям лицензионных договоров, содержащихся в статьях 1235 и 1286 ГК РФ. В общем виде лицензионный авторский договор представляет собой соглашение, по которому лицензиар (автор, иной правообладатель) предоставляет либо обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата интеллектуальной деятельности (а именно – произведения) в установленных договором пределах.

Заклученность договора тесно связана с вопросом о его существенных условиях. Так, обязательным существенным условием любого договора является его предмет. Вместе с тем, предмет лицензионного договора имеет определенные отличительные черты.

Для начала стоит отметить, что предмет рассматриваемого договора характеризуется несколькими параметрами. Пунктом 6 статьи 1235 ГК РФ предусмотрено, что в обязательном порядке лицензионный договор должен содержать указание на результат интеллектуальной деятельности, право использования которого предоставляется по договору, а кроме того – способ использования этого результата. При этом в лицензионном авторском договоре предметом выступает именно право использования произведения как объекта авторского права.

Двумя другими параметрами являются территория и срок использования. Однако отсутствие этих характеристик в договоре не несет негативных последствий для сторон. В случае если сторонами не были предусмотрены указанные условия, срок считается пятилетним, а

территорией использования произведения – территория Российской Федерации.

Во-вторых, в отличие от договора об отчуждении исключительного права, для лицензионного договора характерна передача исключительного права в определенном «объеме». Иными словами, предоставляются конкретный способ или способы использования произведения, а не все исключительное право в целом.

Кроме того, под страхом незаключенности договора сторонам в обязательном порядке необходимо предусмотреть в возмездном лицензионном договоре (а этот договор предполагается таким во всех случаях, если в нем нет прямого указания на его безвозмездность и безвозмездный характер не следует из закона) условие о размере вознаграждения или порядке его определения. В случае отсутствия такого условия, правила определения цены, предусмотренные пунктом 3 статьи 424 ГК РФ, не применяются. Представляется, что законодатель закрепил данное правило в связи с тем, что чаще всего произведение обладает признаками уникальности.

Поскольку к договорам о распоряжении исключительными правами применяются общие положения об обязательствах и о договоре, что закреплено пунктом 2 статьи 1233 ГК РФ, если сторонами не согласованы существенные условия, лицензионный договор является незаключенным.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о форме договора. Законодателем в качестве общего правила предусмотрена письменная форма для лицензионного договора. Исключение составляет договор о предоставлении права использования произведения в периодическом печатном издании, для которого возможна также и устная форма. Примечательно, что последствия несоблюдения требования о письменной форме носят очень жесткий характер: недействительность договора, а именно – его ничтожность (как было разъяснено Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума № 10 от

23 апреля 2019 года)⁴³. В этой связи возникает вопрос: будет ли считаться соблюденным указанное требование применительно к лицензионным договорам, которые заключаются на онлайн – платформе?

Внедрение информационных технологий, в том числе и цифровых платформ, во все сферы жизни породило необходимость регламентации договоров, выраженных в электронной форме⁴⁴. С 1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ (далее – Федеральный закон № 34), который, как представляется, является лишь первым шагом на пути дальнейших «цифровых» изменений Гражданского кодекса. В качестве одной из новелл, закрепленных в статье 160 ГК РФ, является электронная форма сделки, определенная законодателем в качестве разновидности письменной формы сделки. Примечательно, что в научной литературе была выражена точка зрения, в соответствии с которой электронная форма договора суть «качественно новое явление»⁴⁵. Тем не менее, законодатель пошел по иному пути.

Что представляет собой указанная новелла? Электронная форма подразумевает совершение сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки. При этом законом допускается использовать любой способ, который позволяет достоверно определить лицо, заключившее сделку (выразившее волю), — в этом случае, согласно статье 160 ГК РФ, требование о наличии подписи считается выполненным.

Хотя анализ правовой природы электронной формы сделки не является предметом настоящего исследования, тем не менее, необходимо в общих чертах охарактеризовать это новое явление. Для начала отметим, что общим понятием является «электронный документ», под которым понимают «совокупность реквизитов с информацией, записанной на электронном

⁴³ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴⁴ Богустов, А. А. Электронная форма договора в национальном праве стран – членов ЕС (на примере законодательства Польши) // Право в сфере Интернета: сборник статей. М.: Статут, 2018. С. 346.

⁴⁵ Ефимова, Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84.

носителе длительного пользования в форме цифрового кода»⁴⁶. Л. Г. Ефимова, анализируя Incoterms 2010, приходит к выводу, о существовании двух «форм» электронных документов: непосредственно в виде файла машинной информации и в виде компьютерной программы, позволяющей заключать договоры в виртуальной реальности (киберпространстве)⁴⁷.

В целом электронный документ похож на документ на бумажном носителе за некоторыми исключениями. Последний представляет собой один или несколько листов бумаги, содержит слова и выражения, с помощью которых выражаются реквизиты сторон, условия договора, включая существенные. В свою очередь договор в электронной форме есть не что иное, как цифровая информация, набор двоичных значений (определенная последовательность нулей и единиц). Можно сказать, что такой договор изложен на «компьютерном языке», не воспринимаемом человеком, в связи с чем оправдано введенное законодателем требование о возможности воспроизведения содержания сделки на материальном носителе в неизменном виде.

Представляется, что легальное закрепление электронной формы сделок носит положительный эффект ввиду того, что это облегчит оформление договоров между участниками гражданского оборота. Так, исключается необходимость обмена письмами, включая электронными, и заключения «бумажного» договора, особенно в условиях территориальной отдаленности контрагентов. Кроме того, электронная форма позволяет упростить процесс выражения воли стороны в связи с появлением так называемых click – wrap соглашений, которые заключаются в электронном виде посредством нажатия одной из сторон кнопкой мышки по кнопке «ОК» или «I accept» («я согласен»), сопровождающей текст такого соглашения⁴⁸. При этом для выражения волеизъявления стороной договора такое нажатие клавиши будет

⁴⁶ См.: Ефимова, Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84 – 90; Ефимова, Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Журнал “Lex Russica”. 2019. № 8. С. 129 – 137.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Тимошенко, О. В. Click – wrap и browse – wrap соглашения: новый уровень эволюции договорного права в сети Интернет // Право в сфере Интернета: сборник статей. М.: Статут, 2018. С/ 363 – 364.

считаться достаточным⁴⁹. При этом заметим, что хотя указанный способ заключения соглашений в сети Интернет используется все чаще, тем не менее, анализ судебной практики арбитражных судов РФ показал, что споры, связанные с click – wrap соглашениями, в принципе еще не становились предметом рассмотрения российских судов.

Но электронная форма договора, несмотря на ряд преимуществ, все же имеет определенные недостатки. Существование электронного договора в виртуальной реальности, то есть в состоянии дематериализованности, является одной из его правовых особенностей – нематериальностью. Иными словами, она заключается в отсутствии материального носителя (документа), для установления содержания которого не требуется использования специальных технических устройств⁵⁰.

Как уже было отмечено выше, такую особенность можно рассматривать и с положительной стороны. В то же время необходимо констатировать, что они менее безопасны по сравнению с договорами на бумажном носителе: любые проблемы с техникой (поломка компьютера или уничтожение серверов), отключение или перебои в электричестве приведут к уничтожению договора и невозможности доказывания факта заключения договора и его содержания. Следовательно, при таких обстоятельствах возможна ситуация, когда недобросовестный лицензиар потребует от лицензиата, с которым был заключен электронный лицензионный договор на цифровой платформе, возмещения убытков или компенсацию за якобы нарушение его исключительного права. В отсутствие электронной переписки между сторонами, а также перечисления лицензиару платы за использование произведения вполне вероятно, что суд займет сторону лицензиара. В то же время возможна и обратная ситуация, когда лицензиат действует недобросовестно, в частности, нарушает требование о выплате вознаграждения, тогда указанные выше требования лицензиара могут использоваться для защиты.

⁴⁹ Гавриленко, В. Электронная форма сделок и «смарт – контракты»: что это такое и как может повлиять на привычное правоприменение? [Электронный ресурс] // Информационно – правовой портал ГАРАНТ.РУ.

⁵⁰ Ефимова, Л. Г. Указ. соч. С. 86.

Еще одна проблема, возникающая в связи с заключением договора на цифровой платформе, в том числе и лицензионного, связана с определением действительной воли лица на совершение такой сделки. В соответствии с требованием законодателя электронная форма сделки как разновидность письменной будет считаться соблюденной, если можно достоверно определить лицо, выразившее волю на совершение сделки. Если обратиться к традиционным договорам «на бумаге», то здесь в качестве наиболее важного реквизита письменной формы сделки выступают подписи сторон договора, поскольку подпись в силу ее уникальности не только позволяет идентифицировать человека, являющегося контрагентом данного договора, но и, как отмечает Л. Г. Ефимова, является элементом волеизъявления лица на совершение сделки, при отсутствии которого сделку нельзя рассматривать как совершенную⁵¹.

Формулировка абзаца 2 пункта 1 статьи 160 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что возможны случаи, когда подпись для заключения договора в электронной форме не требуется. При этом нет указания на обязательное использование электронной подписи. Из этого следует, что при соблюдении всех иных требований закона, но без отсутствия подписей контрагентов, договор будет считаться заключенным.

Для того чтобы пользоваться агрегатором, а именно – разместить на нем свои предложения (товары, работы, услуги) и затем через платформу заключить с производителем договор, – чаще всего необходимо зарегистрироваться на цифровой платформе, в результате чего у пользователя создается свой личный кабинет, что можно рассматривать как идентификацию лица, в дальнейшем заключившего на платформе сделку. При этом стоит обозначить следующее: поскольку цифровая платформа есть в некотором роде «рынок», то естественно, что ее владелец будет устанавливать конкретные условия доступа на этот рынок⁵². Приятие таких условий является обязательным для использования возможностей

⁵¹ Там же.

⁵² Останина, Е. А. Указ. соч. С. 20.

платформы. Также в процессе регистрации от пользователя потребуется ввод персональных данных для идентификации лица, являющегося стороной договора. Так, например, для регистрации на сервисе **P2P** – онлайн – кредитов «Вдолг.ру» потенциальному заемщику необходимо указать данные паспорта⁵³.

В этой связи также отметим, что потенциальные контрагенты будут знать друг о друге только те сведения, которые владелец (оператор) цифровой платформы запросил при регистрации. И не представляется возможным утверждать, что все эти сведения будут доступны для остальных пользователей. Поэтому следует констатировать, что данное обстоятельство также повышает риск договоров, которые были заключены на онлайн – платформах⁵⁴. Особенно на фоне «феномена» технологических платформ, заключающегося в ложном посыле о существовании между контрагентами (пользователями платформы) личных, можно сказать дружеских отношений⁵⁵.

В целом же представляется, что такая организация доступа характерна не только для товарных агрегаторов, но и в принципе для любых цифровых платформ, в том числе и по распоряжению исключительными правами. Это подтверждает видеопрезентация о работе биржи интеллектуальной собственности IPeX, являющейся одним из узлов реестра интеллектуальной собственности IPChain⁵⁶.

Доступ к личному кабинету на цифровой платформе, как и к любому другому, осуществляется посредством уникального логина и пароля. Вместе с тем не исключена ситуация, когда злоумышленник крадет или иным способом получает логин и пароль, тем самым получая доступ к личному кабинету, и заключает лицензионный договор от имени того лица, в личный кабинет которого он вошел (лицензиата или лицензиара). Соответственно,

⁵³ Там же.

⁵⁴ Останина, Е. А. Указ. соч. С. 18.

⁵⁵ Cauffman, Caroline. The Commission's European Agenda for the Collaborative Economy - (Too) Platform and Service Provider Friendly? (December 2016). Maastricht European Private Law Institute Working Paper N 2016/07. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2883845> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2883845>. P. 5 – 16.

⁵⁶ Биржа интеллектуальной собственности IPeX. URL: <https://ipex.global/> (дата обращения: 12.05.2020)

доказать, что от имени лицензиата или лицензиара договор заключило иное лицо, будет очень сложно. И те способы индивидуализации лица от описанной ситуации не спасают.

Конечно, преимущества таких действий для недобросовестного лица не являются очевидными, однако подтверждают сам факт ненадежности такого способа доступа к заключению договоров на платформе. В случае с упомянутым выше IPЕХ ситуация будет обстоять гораздо серьезнее, поскольку реестр интеллектуальной собственности IPChain работает на технологии blockchain, а она в силу своих сущностных свойств отличается невозможностью внесения в нее каких – либо изменений. Вопрос о том, что делать с таким «нежеланным» лицензионным договором, остается открытым.

Небесспорной является ситуация с предметом лицензионного договора, заключаемого на онлайн – платформе. И наиболее важным является вопрос о действительном существовании произведения. Согласно подпункту 1 пункта 6 статьи 1235 ГК РФ помимо указания на результат интеллектуальной деятельности стороны в соответствующих случаях также должны указать номера документа, который удостоверяет исключительное право. С объектами патентного права вопрос о подтверждении существования зачастую не возникает, поскольку в силу статьи 1353 ГК РФ исключительное право на такие объекты признается и охраняется только при условии государственной регистрации. Соответственно, в лицензионном договоре лицензиар в обязательном порядке должен указать реквизиты патента.

Иначе обстоит дело с объектами авторского права. Из отечественного законодательства следует, что регистрация для них носит факультативный (необязательный) характер, поскольку регистрация произведения не требуется для возникновения, осуществления и защиты авторских прав в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 1259 ГК РФ. Кроме того, авторское право сохраняется независимо от того, было ли обнародовано автором произведение или нет. Также заметим, что для подтверждения авторства активно используются разнообразные способы, например, депонирование в

РАО или в специализирующемся на этом сервисе COPYTRUST или Национальном реестре интеллектуальной собственности n'RIS (в этом случае в лицензионном договоре указываются данные выданного свидетельства), заверение у нотариуса, отправка произведения по почте самому себе – poor man's copyright. Доказательственную функцию выполняют соответственно и цифровые платформы ввиду размещения в их системе произведений науки, литературы и искусства⁵⁷.

Вместе с тем такие способы не могут служить стопроцентной гарантией неоспоримости авторства конкретного произведения. Это следует из того, что они подтверждают именно существование определенного объекта интеллектуальной собственности и на конкретную дату и время и в то же время не могут безусловно доказать авторство в силу существующей возможности получения доступа к объекту авторского права.

На основании изложенного следует, что если при заключении лицензионного договора на цифровой платформе доказать существование объекта интеллектуальной собственности можно, то с авторством, а точнее – с подтверждением обладания исключительным правом дело обстоит сложнее. Принимая также во внимание и возможность получения доступа к личному кабинету, то и зарегистрироваться на платформе, и заключить лицензионный договор, и получить по нему вознаграждение может и неуправомоченное недобросовестное лицо, не обладающее исключительным правом на конкретное произведение науки, литературы и искусства.

Другая проблема связана с негативным аспектом развития цифровых платформ. Прежде отметим, что сейчас многие онлайн – платформы, в том числе занимающиеся депонированием объектов интеллектуальной собственности, работают на технологии blockchain. За последние годы было создано достаточно большое количество распределенных реестров в сфере авторских прав на основе blockchain. Так, blockchain – технология активно

⁵⁷ Рычкова, Н. Ю. Применение технологии блокчейн в охране авторских и смежных прав // Право в информационном обществе: трансформация или модернизация? Материалы V Международного сравнительно – правового конгресса. 2019. С. 95.

внедряется в музыкальную индустрию: за рубежом на этой технологии основанные многие музыкальные платформы (Ujo, Bittunes, Blokur и другие)⁵⁸. В России первым глобальным проектом в виде сети транзакций прав и объектов интеллектуальной собственностью выступает упомянутый выше IPChain.

Однако такое распространение реестров в сфере авторских прав порождает следующую проблему. Во-первых, возрастающее количество таких платформ свидетельствует о возможности практически любого лица создать свой собственный реестр, платформу. Данное утверждение хоть и является несколько утрированным, поскольку высокие технологии всегда требуют очень больших затрат, в том числе и на их обслуживание, энергию, однако все же такие технологии являются доступными. Во-вторых, все существующие системы, как правило, не связаны друг с другом. Это означает, что один и тот же объект интеллектуальных прав может содержаться в нескольких реестрах, причем не вызывает сомнений, что в качестве автора или правообладателя могут быть указаны совершенно разные лица, в частности, в связи с незаконными действиями. В итоге не исключена ситуация, когда по лицензионному договору одновременно приобретаются права использования различными лицами⁵⁹.

Наконец, насколько сама платформа участвует в заключении лицензионного договора и участвует ли? Если рассматривать механизм заключения договоров на онлайн – платформах, в том числе и лицензионных договоров на примере платформы IPeX, то в общем и целом деятельность многих цифровых платформ сводится к предоставлению самой площадки для совершения сделок. Зарегистрированные лицензиары вносят в базу («выставляют на продажу») произведения науки, литературы и искусства, а лицензиаты в свою очередь откликаются на предложения о заключении лицензионного договора, в том числе на условиях открытой лицензии.

⁵⁸ 10 проектов на блокчейне в музыкальной индустрии. URL: <https://bits.media/news/blokcheyn-kak-revoljutsiya-v-muzykalnoy-industrii/> (дата обращения: 12.05.2020).

⁵⁹ Новоселова, Л.А. Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 272.

Если обратиться к моделям, предложенным А. Е. Молотниковым и Е. В. Архиповым, то такая организация процесса заключения договоров отвечает признакам второй модели, когда роль платформы сводится к минимуму, а условия и цену договора устанавливают сами стороны. В этом случае, по мнению Т. В. Дерюгиной, заказчик (производитель) оплачивает информационные услуги платформы, выражающиеся, в том числе, в размещении информации о заказчике на информационной площадке. Объектом же договора между платформой и потребителем выступает информация в чистом виде, «не являющаяся ни результатом услуги, ни результатом интеллектуальной деятельности»⁶⁰.

По мнению А. А. Иванова предмет деятельности агрегаторов специфичен и его специфика состоит в том, что платформа может охватить только такие товары, работы и услуги, которые поддаются стандартизации. Другими словами, если деятельность большого количества потребителей и производителей можно стандартизировать, то смысл платформы имеет место быть. В противном случае, когда нужен индивидуальный подход, учитывающий множество условий и запросов потребителей, агрегатор не является лучшим средством⁶¹.

Представляется, что такую точку зрения можно применить и в сфере распоряжения исключительными правами. Универсальная площадка, на которой происходит заключение договоров, легко может быть использована для открытой лицензии, которая в силу статьи 1286.1 ГК РФ является договором присоединения. Соответственно, условия договора определяются автором (правообладателем). В других случаях потенциальный лицензиат, нашедший интересующее произведение науки, литературы и искусства при помощи фильтров поиска, может согласиться на поставленные продавцом требования или же предложить свои.

Но насколько эффективна платформа в ситуации, когда одна или обе стороны подходят к заключению договора более щепетильно, в связи с чем

⁶⁰ Дерюгина, Т. В. Указ. соч. С. 6.

⁶¹ Иванов, А. А. Указ. соч. С. 6.

необходимо тщательное обсуждение многих условий? В этом случае без переписки между сторонами не обойтись, что нивелирует преимущества электронной формы договора. Несмотря на то, что новизна, уникальность или оригинальность результата интеллектуальной деятельности не являются критериями охраноспособности объектов авторского права, тем не менее, удобна ли платформа, когда потенциальный лицензиат заинтересован в использовании нового, уникального или оригинального произведения? Представляется, что ответ скорее отрицательный.

С другой стороны, применима ли вторая модель отношений между цифровой платформой и ее участниками, предложенная А. Е. Молотниковым и Е. В. Архиповым? В случае с агрегатором такси все проще, ведь конкретного исполнителя (водителя, машину) агрегатор подбирает заказчику самостоятельно. И условия заказчика здесь ограничиваются лишь выбором класса комфорта поездки, необходимостью наличия детского кресла или места для багажа, за что устанавливается более высокая цена. Между тем применительно к лицензионным договорам не совсем ясно, кому оказываются услуги по подбору исполнителя: лицензиару ищут лицензиатов или же конкретному лицензиату платформа подбирает произведение науки, литературы и искусства, что выглядит абсурдно, поскольку зачастую лицензионные договоры заключаются для использования произведения в коммерческих целях, то есть в целях получения прибыли.

Такая модель похожа на коллективное управление авторскими правами, однако, регистрируясь на платформе, автор (правообладатель) не заключает с ней договор о передаче полномочий по управлению правами. Как следствие, отсутствие такого договора означает, что платформа не может предъявлять требования в суде или совершать иные юридические действия, необходимые для защиты переданных в управление прав.

Из изложенного выше следует, что цифровые платформы могут использоваться для заключения лицензионных договоров, что подтверждается как зарубежными исследованиями, так и разработкой

платформы IPЕХ. А внесенные в статью 160 ГК РФ изменения в части закрепления электронной формы сделок способствуют развитию заключению договоров в сети Интернет. В то же время онлайн – платформы, в том числе основанные на blockchain – технологии, не стали панацеей от актуальных проблем авторского права, связанных, например, с вопросами авторства или существования произведения. Также при регистрации на цифровых платформах не может быть стопроцентно гарантирована безопасность личного кабинета лицензиара или лицензиата. Наконец, вопрос об эффективности платформ для заключения лицензионных договоров является открытым.

2.2. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА

После заключения лицензионного договора следующим моментом, на который необходимо обратить внимание, является процесс исполнения такого договора. Цифровые платформы вносят определенную специфику не только в процесс заключения лицензионного договора, но также несколько модернизируют исполнение обязанностей, возложенных договором на его стороны.

Исполнению лицензионного договора посвящена статья 1237 ГК РФ. Вместе с тем, несмотря на ее название, непосредственно исполнение регулируют лишь пункты 1 и 2 указанной статьи. Остальные два пункта относятся уже к ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, что будет рассмотрено в следующем параграфе. Однако и содержание пунктов 1 и 2 статьи 1237 не дает оснований для вывода о правовом урегулировании ими существенных аспектов⁶². Регулируются достаточно второстепенные вопросы, к которым относится негативное обязательство лицензиара, содержание которого заключается в воздержании от действий, затрудняющих использование лицензиатом результата интеллектуальной деятельности, а также обязанность лицензиара предоставлять отчеты. Соответственно, иные вопросы по исполнению лицензионного авторского договора следует решать с учетом главы 22 ГК РФ, регламентирующей общие правила об исполнении обязательств.

Что касается негативной обязанности лицензиара, то заключение лицензионного договора на онлайн – платформе не меняет ее содержание и в целом не модернизирует. Соответственно, также продолжает работать в связке со статьей 1237 ГК РФ пункт 5 статьи 1233 Гражданского кодекса, а именно установленный запрет на совершение правообладателем публичного заявления (доведения до всеобщего сведения) о предоставлении права

⁶² См. Абрамова Е.Н., Сергеев А.П., Аверченко Н.Н., Грачев В.В., Павлов А.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая. Учебно-практический комментарий (под ред. д.ю.н., проф. А.П. Сергеева). М.: "Проспект", 2016. 384 с.

использования на принадлежащее ему произведение науки, литературы или искусства любым лицам.

Норма, закрепляющая обязанность лицензиата предоставлять отчеты об использовании результата интеллектуальной деятельности, является диспозитивной. Вместе с тем законодатель установил, что обязанность предоставления отчетов применяется «по умолчанию». Соответственно, если стороны решат не возлагать на лицензиата такую обязанность, то в тексте договора необходимо прямо предусмотреть соответствующую оговорку.

Рассмотрим ситуацию, когда данная обязанность все же была возложена на лицензиара. В этой связи стоит отметить, что в видеопрезентации платформы IPeX среди условий, которые могут быть согласованы сторонами, условие о предоставлении отчетов не фигурирует. Поскольку платформа еще не запущена, то не совсем понятно, каким образом будет регулироваться этот вопрос.

В целом же представляется возможным, что «инфраструктура» любой цифровой платформы, действующей в сфере распоряжения исключительными правами и нацеленной на удобство ее использования, позволит пользователям не только заключать договоры, но и направлять друг другу сообщения, требования и различного рода документы, в том числе и отчеты об использовании. В противном случае сторонам придется прибегнуть к традиционным способам совершения указанных действий. Таким образом, существование единого пространства упрощает взаимодействие сторон договора. Но вместе с тем не стоит забывать и все также необходимо учитывать риски, связанные с уничтожением такой платформы и содержащейся на ней информации.

Далее, исходя из определения лицензионного договора, основной обязанностью лицензиара является передача лицензиата права использования произведения науки, литературы и искусства. Вместе с тем необходимо учитывать формулировку статьи 1286 ГК РФ «передает или обязуется передать», поскольку это свидетельствует о том, законодателем

предусмотрены две юридически конструкции лицензионного договора, а именно – конструкция реального и конструкция консенсуального договора. При этом выбор модели договора законодатель отдает на усмотрение сторон.

В науке данное положение статьи 1286 ГК РФ воспринимается неоднозначно, в связи с чем сложилось два основных подхода. Если представители первого подхода поддерживают решение законодателя о возможности применения обеих конструкций, то суть второго подхода сводится к отрицанию возможности построение договора по модели реального в силу того, что результаты интеллектуальной деятельности обладают нематериальной природой⁶³.

Представителем второго подхода является А. И. Савельев, по мнению которого любой лицензионный договор является консенсуальным договором⁶⁴. Согласно позиции ученого, невозможно разделить процесс заключения лицензионного договора на две части – достижение сторонами договора соглашения по всем его существенным условиям и непосредственно предоставление права, – поскольку эти две составляющие неразрывно связаны между собой в силу существа возникающих отношений. В то же время договор будет считаться действительным с момента его заключения, даже если стороны предусмотрели иной момент возникновения права на стороне лицензиата, например, при желании отложить начало использования произведения.

Хотя Гражданский кодекс не закрепил обязательное составление специального акта, который бы удостоверял предоставление лицензиату права использования результата интеллектуальной деятельности, тем не менее, на практике достаточно распространенной является ситуация, когда стороны включают в договор условие о составлении акта приема – передачи прав на результат интеллектуальной деятельности. Между тем, такая «передача» права использования на онлайн – платформе имеет условный

⁶³ См. Еременко, В. И. О правовой охране смежных прав в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 30 - 55.

⁶⁴ Савельев, А. И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. М.: "Инфотропик Медиа", 2013. С. 245 – 246.

характер, поскольку само предоставление этого права происходит автоматически, в момент заключения договора, что фиксируется самой платформой и, несомненно, является еще одним ее преимуществом. Кроме того, срок начала использования лицензиатом произведения науки, литературы и искусства можно установить и в самом договоре. И тогда при заключении лицензионного договора на цифровой платформе необходимость дополнительного составления акта приема – передачи отпадет.

Наконец, одной из основных обязанностей лицензиата является выплата вознаграждения. Если обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, то на основании пункта 40 можно сделать вывод о существовании нескольких форм оплаты. Так, это может быть плата в твердой сумме – паушальный сбор, – и плата в форме процентных отчислений от дохода (выручки) – роялти. При этом способ исчисления вознаграждения в конкретном договоре стороны выбирают по своему усмотрению: это может быть только паушальный сбор или только рояли, или же комбинация платы в твердой сумме и в виде процентных отчислений.

Многие платформы работают по принципу предварительной оплаты товара или оплаты товара курьеру. Вместе с тем при рассмотрении вопроса о выплате вознаграждения лицензиару, в связи с происходящей цифровизацией общества, для начала следует остановиться на платформах, представляющих наибольший интерес, а именно платформах, работающих на технологии blockchain, примерами которых являются IPChain и IPEX.

Одной из особенностей названных платформ, помимо самого принципа работы blockchain – технологии, является автоматизация договорных отношений посредством смарт – контрактов («умных» контрактов). В общем виде смарт – контракт представляет собой «запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически

исполняется с помощью блокчейна»⁶⁵. При этом условие задается в распространенной «форме» импликации: «если» определенное условие будет выполнено, «то» вслед за этим совершается определенное действие.

На сегодняшний момент вопрос о сущности смарт – контрактов является дискуссионным. Учеными выделяется более пяти подходов к ее пониманию. В литературе «умные» контракты рассматривают как автомат, обеспечивающий выполнение условий заключенного договора, компьютерную программу, особую форму договора, способ исполнения обязательства, гражданско – правовой договор, обладающий специфическими чертами и наконец – способ обеспечения исполнения обязательства.

Вместе с тем в связи с недавними изменениями гражданского законодательства в рамках национального проекта «Цифровая экономика» появились основания считать, что смарт – контракт есть не что иное, как способ исполнения обязательства. Так, помимо внедрения электронной формы сделок Федеральный закон № 34 закрепил правовую основу для «умных» контрактов в статье 309 ГК РФ, посвященной общим положениям об исполнении обязательств. В соответствии с пунктом 2 указанной статьи стороны вправе предусмотреть условие об исполнении возникающих из сделки обязательств при наступлении определенных обстоятельств путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон, направленного на исполнение обязательств, не требуется.

Вернемся к вопросу о выплате вознаграждения по лицензионному договору, общая схема которой на blockchain – платформе выглядит следующим образом. Лицензиат после согласования всех условий нажимает на кнопку «принять». Таким образом, посылкой в программной коде смарт – контракта будет фраза «если лицензиат принимает условия лицензионного договора». После этого со счета лицензиата автоматически списываются

⁶⁵ Волос, А.А. Гражданско-правовая сущность смарт – контракта // Юрист. 2019. № 7. С. 23.

денежные средства. Однако технология blockchain на этом не заканчивает свою работу. Так, цифровая платформа IPeX инициирует запись о совершенной сделке в сети IPChain, сформировав две транзакции.

Несмотря на некоторые негативные аспекты blockchain – технологии, тем не менее, она является достаточно удобной, поскольку автоматическое списание денежных средств со счета предупреждает нарушение лицензиатом обязанности по выплате вознаграждения. В свою очередь лицензиары, которые заключают договор на «обычных» платформах, не могут рассчитывать на то автоматическое исполнение и перечисление денежных средств, которое предлагает смарт – контракт. Вместе с тем, рассмотренный выше пример работает, когда стороны предусмотрели форму оплаты вознаграждения в твердой форме. В случае, если сторонами было предусмотрено роялти, ситуация усложняется в связи со следующим.

Как было отмечено выше, законодатель отдает на усмотрение сторон форму выплаты вознаграждения. Соответственно, обязанность выплаты роялти, а также их размер, способ исчисления может быть поставлены в зависимость от различных обстоятельств. Например, от дохода, выручки или же от объема продаж, тиража. Также следует учитывать, что чаще всего цифровые платформы создаются под «типичные» ситуации в той или иной сфере, которые можно стандартизировать. Выплата процентов от пользования нельзя назвать «типичной» в том смысле, что их размер меняется в зависимости от условий договора и фактических обстоятельств.

Разумно предположить, что внедрение в систему blockchain – платформы возможности осуществления денежных переводов позволит не только выплачивать роялти, но и избежать взаимодействия лицензиара и лицензиата вне «стен» платформы. Конечно, комиссия платформе в этой связи может быть увеличена. Однако в литературе отмечают, что в принципе комиссия за осуществления перевода через blockchain ниже, чем у банков, а

также занимает секунды⁶⁶. Кроме того, каждый перевод – это новая транзакция, новая неизменный блок цепочки, из чего следует риск допущения ошибки при переводе денежных средств.

Подводя итог, следует отметить, что положительный эффект от использования онлайн – платформ для заключения лицензионных договоров и последующего их исполнения во многом будет зависеть от их инфраструктуры: от возможности предоставлять отчеты через платформу, осуществлять перевод паушального сбора и процентов и пр. В противном случае упрощения взаимодействия между сторонами соглашения посредством создания единого пространства не произойдет: все дальнейшее исполнение обязанностей будет реализовываться вне платформы по привычному сценарию.

⁶⁶ См. Галькова, А. А. Глущенко, Г. И. Технология блокчейн в сфере денежных переводов // Инновационная экономика. 2018. № 9. С. 90 – 95.

2.3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО НА ОНЛАЙН – ПЛАТФОРМАХ

Неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами условий лицензионного договора влечет применение мер ответственности к правонарушителю. В силу пункта 2 статьи 1233 ГК РФ к лицензионным договорам применяются общие положения об обязательствах и о договоре. Следовательно, в лицензионном договоре стороны могут предусмотреть последствия неисполнения (ненадлежащего исполнения), общие для всех договоров, а именно обязанность (и корреспондирующее этой обязанности право требования) выплатить неустойку различного вида и (или) возместить убытки. При этом цифровая платформа, на которой заключен лицензионный авторский договор, никаким образом не изменяет указанные законоположения.

Помимо «общей» ответственности, характерной для неисполнения (ненадлежащего исполнения) всех обязательств, предусмотрены специальные основания ответственности для лицензиата, закрепленные в пунктах 3 и 4 статьи 1237 ГК РФ. Как было отмечено ранее, основным отличием лицензионного договора от договора по отчуждению исключительных прав состоит в том, что исключительное право передается не в полном «объеме», предоставляется право использования произведения науки, литературы и искусства определенными договором способами. Ответственность, предусмотренная пунктом 3 указанной статьи, наступает в случаях, если лицензиар использует результат интеллектуальной деятельности за пределами прав, предоставленных по договору, к чему, в частности, относится использование произведения науки, литературы и искусства иным способом, нежели чем предусмотрено договором, или после прекращения действия договора.

Тем не менее, конкретные формы ответственности в пункте 3 не называются: Гражданский кодекс отсылает к иным своим положениям,

другим законам или условиям договора. Разъяснения пункта 3 статьи 1237 ГК РФ были даны Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума от 23 апреля 2019 года № 10, согласно которым лицензиар за указанное нарушение исключительного права вправе потребовать взыскания убытков (компенсации) в части, не покрытой зачетной неустойкой. Вместе с тем условиями договора может быть предусмотрена исключительная, альтернативная или штрафная неустойка. Последняя представляет наибольший интерес применительно к лицензионному договору, заключенному на цифровой платформе на условиях открытой лицензии.

В параграфе 2.1. настоящей работы было отмечено, что для заключения такого лицензионного договора онлайн – платформа является наиболее удобной, поскольку открытая лицензия представляет собой договор присоединения, условия которого определяет правообладатель. Следовательно, не исключена ситуация, когда лицензиар включит в условия штрафную неустойку. В этом случае при возникновении спора судам необходимо будет следовать положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10, согласно которым «при толковании условий договора присоединения о штрафной неустойке следует учитывать, не поставлен ли лицензиат в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания соответствующих условий договора, в силу явного неравенства переговорных возможностей».

Учитывая изложенные в предыдущих параграфах обстоятельства, в том числе связанные с минимализацией обсуждения условий, переписки между контрагентами при заключении договора на цифровой платформе, вполне вероятно, что каждый такой договор, содержащий условие о штрафной неустойке за использование результата интеллектуальной деятельности за пределами предоставленных по договору прав будет толковаться судами с учетом позиции Верховного Суда РФ. А также с учетом того, позволяет ли «инфраструктура» платформы обсудить контрагентам условия соглашения.

Пункт 4 статьи 1237 ГК РФ посвящен нарушению лицензиатом обязанности выплатить вознаграждение за предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности. В случае с лицензионным договором, содержащем условие о вознаграждении лишь в твердой денежной сумме и заключенном на blockchain – платформе, такой ситуации в принципе не может возникнуть в связи с автоматическим исполнением смарт – контракта. В остальных же случаях имеется риск неисполнения (ненадлежащего) исполнения данной обязанности лицензиатом. При этом представляется, что указанный тридцатидневный срок ставит лицензиара в невыгодное положение, поскольку договор не прекратится, если лицензиат частично (даже в минимальном размере) исполнит обязанность выплаты вознаграждения. Соответственно, лицензиару придется обращаться в суд для восстановления нарушенного права и уже в судебном порядке доказывать существенность нарушения.

Кроме того, в отношении лицензионного договора, заключенного на blockchain – платформе, возникает серьезный вопрос. Каким образом будет прекращен договор по истечении тридцатидневного срока с момента получения уведомления об отказе от договора или же по судебному решению, учитывая, что технология blockchain не допускает каких – либо изменений? Пока же в доктрине и на практике эта проблема не нашла решения.

рассматривая ответственность сторон за неисполнение (ненадлежащее) исполнение лицензионного договора, заключенного на онлайн – платформе, следует остановиться на вопросе об ответственности самой платформы за нарушение лицензионного договора, заключенного между пользователями. Отметим, что с недавних пор, после принятия Директивы (ЕС) 2019/790 Европейского Парламента и Совета от 17 апреля 2019 года об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка (далее – Директива ЕС), некоторые цифровые платформы (или, как они называются в Директиве ЕС, - онлайн – сервисы совместного использования контента)

теперь сами несут ответственность за нарушение авторских прав: их провайдер (по сути - становятся правонарушителями)⁶⁷.

Поскольку в связи с развитием информационных технологий, в том числе Интернета, обострился вопрос о защите прав авторов (правообладателей), Директива ЕС в статье 17 закрепила обязанность провайдера онлайн – сервиса, предоставляющего обществу доступ к охраняемым авторским правам произведениям или иным объектам, загруженным его пользователями, получать разрешение от правообладателей, в частности, посредством заключения лицензионного соглашения. Отметим, что от ответственности освобождены некоторые виды технологических платформ, в частности, маркетплейсы.

Представляется, что онлайн – платформа, целью которой является предоставление «пространства» для заключения лицензионных договоров, не попадает под действие статьи 17, поскольку не отвечает установленным статьей 2 Директивы ЕС признакам онлайн – сервиса. Например, она не имеет основной или одной из главных целей хранение и предоставление обществу доступа к объектам, охраняемым авторским правом. Кроме того, в литературе отмечается, что речь идет о таких платформах – гигантах, как Youtube или Facebook⁶⁸. В конечном же итоге можно сделать вывод, что в рамках Европейского союза усиливается ответственность онлайн – платформ за распространение нелегального контента⁶⁹.

Но возлагается ли ответственность на операторов цифровой платформы за договоры, которые были на ней заключены? Данный вопрос стал предметом активного обсуждения в связи с развитием «платформенной

⁶⁷ Directive (EU) 2019/ 790 of the European Parliament and of the Council - of 17 April 2019 - on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/ 9/ EC and 2001/ 29/ EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0790> (дата обращения: 22.05.2020).

⁶⁸ См.: Am I an 'Online Content Sharing Service Provider' under Article 17 (formerly Article 13) of the proposed Copyright Directive? URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6faffa29-bd1e-4e40-908c-277e1b263f95> (дата обращения: 22.05.2020); EU DSM Copyright Directive: the use of protected content by online content-sharing service providers. URL: <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2019/april/12/eu-dsm-copyright-directive-the-use-of-protected-content-by-online-content-sharing-service-providers> (дата обращения: 22.05.2020).

⁶⁹ Мотовилова, Д. А. Ключевые положения Директивы (ЕС) N 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 26. 2019 г. С. 116.

экономики», в частности, с появлением таких онлайн - посреднических платформ, как Airbnb и Uber. Данные платформы вызвали много споров и протестов, поскольку Uber позволял водителям, не имеющим обязательную по законодательству многих европейских стран лицензию, оказывать услуги такси, а на Airbnb размещались предложения об апартаментах, которые не соответствуют строгим правилам, действующим в отелях⁷⁰.

Следствием этих споров с операторами онлайн - платформ стал проект Директивы ЕС об онлайн - посреднических платформах (Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms), более известный как Академический проект⁷¹. В целом проект можно рассматривать как результат поиска баланса интересов. Разработчики проекта отмечают, что, с одной стороны, они исходили из положения «онлайн – платформы в первую очередь должны рассматриваться как возможность, а не угроза», в связи с чем недопустим жесткий подход к регулированию, так как он создает риск подавления инноваций и творчества, с другой стороны, руководствовались необходимостью защитить основные ценности, в частности, защита потребителей и добросовестная конкуренция.

Одной из основных идей проекта стало возложение солидарной ответственности на оператора цифровой платформы по основному договору (между пользователями). В этой связи одной из главных обязанностей оператора платформы (в том числе для избежания в последующем солидарной ответственности) является информирование пользователя до заключения основного договора о том, что оператор платформы – это посредник и пользователь заключит договор не с оператором, а именно с продавцом – другой организацией или гражданином.

Если обратиться к национальному законодательству, то здесь следует отметить небольшие, но все же позитивные изменения. Так, в статье 12 Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»

⁷⁰ Cauffman, Caroline. The Commission's European Agenda for the Collaborative Economy - (Too) Platform and Service Provider Friendly? (December 2016). Maastricht European Private Law Institute Working Paper №2016/07. URL: <https://ssrn.com/abstract=2883845> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2883845> (дата обращения: 22.05.2020).

⁷¹ Останина, Е. А. Указ. соч. С. 15.

теперь закреплена ответственность агрегатора за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге). Однако ответственность за причиненные покупателю убытки не наступает в случае, если владелец агрегатора не изменял предоставленную ему продавцом информацию о товаре.

Также отметим, что законодателем в качестве общего закреплено правило, согласно которому ответственность за нарушение договора между потребителем и продавцом несет сам продавец. С другой стороны, данная норма является диспозитивной, соответственно, условиями дополнительного договора (между владельцем агрегатора и продавцом) может быть предусмотрена ответственность именно агрегатора. Но, все же учитывая, что «правила игры» устанавливают операторы платформ и «рынок» для пользователей создают также они, трудно представить, чтобы оператор платформ добровольно возложил на себя ответственность за нарушение основного договора.

Вместе с тем, как было отмечено в параграфе 1.2 настоящей работы, Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» регулирует отношения с потребителями, которые используют приобретенные товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных и домашних нужд. Кроме того, в отличие от товаров, работ и услуг, предоставляемое результаты интеллектуальной деятельности отличаются именно нематериальностью. Следовательно, и положения об ответственности агрегаторов нельзя применять к неторговым цифровым платформам.

Что касается Академического проекта, то необходимо учитывать следующее. С одной стороны, дается определение понятиям «клиент», «потребитель», «поставщик», «договор между поставщиком и клиентом», исходя из которых можно сделать вывод, что проект также касается в основном отношений с потребителями. С другой стороны, помимо товаров и услуг объектом договоров является цифровой контент («digital content»), которым могут быть как аудиовизуальные произведения, так и изображения, дизайн сайтов и прочее. Следовательно, ответственность, предусмотренная

Академическим проектом, распространяется и на цифровые платформы, на которых заключаются лицензионные договоры о передаче права использования на цифровой контент. Таким образом, в случае принятия в будущем данной Директивы, оператор онлайн – платформы будет нести солидарную с продавцом ответственность по основному договору, если оператор ненадлежащим образом исполнил или не исполнил обязанность по информированию клиента о том, что последний вступает в договорные отношения не с оператором платформы.

Подводя итог, можно отметить, что условия ответственности сторон за неисполнение, (ненадлежащее) исполнение лицензионного договора не изменились из – за факта заключения договора на цифровой платформе: все также применяются общие меры ответственности, предусмотренные для всех соглашений, а также действуют установленные законодателем специальные основания ответственности лицензиата. В то же время онлайн – платформа, работающая на технологии blockchain, представляется оптимальным способом для заключения лицензионного договора, которым предусмотрено вознаграждение в виде паушального сбора, ввиду автоматичности исполнения смарт – контракта.

По мере развития «платформенной экономики» операторы онлайн – платформ становятся субъектами гражданско – правовых правонарушений и начинают нести ответственность за нарушение исключительных прав, что подтверждается Директивой ЕС 2019/790. Кроме того, результатом усиливающихся конфликтов и споров по поводу необходимости возложить солидарную ответственность на операторов цифровых платформ за нарушение основного договора являются разработка Академического проекта в Европейском Союзе, а также внесение изменений в Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происходящая цифровизация общества привела к появлению и стремительному развитию инновационных технологий, коренным образом изменивших устоявшийся образ жизни. К числу таких революционных достижений человечества относятся и цифровые платформы, под которыми понимают комплекс вычислительной техники и программных средств, обеспечивающих взаимодействие двух или более пользователей в сети Интернет и использующиеся для осуществления разнообразной, в том числе и предпринимательской, деятельности. ОНЛАЙН – платформы создают особую инфраструктуру, отдельный «рынок» в виртуальном пространстве, выступают связующим звеном между участниками платформ. Предлагаемые ими возможности активно используются во многих сферах деятельности, следствием чего стало появление специализированных платформ – агрегаторов и маркетплейсов, оказывающих существенное влияние на сферу торговли и потребительских услуг.

Специфика онлайн – платформ выражается не только в их посреднической функции и месте деятельности (сети Интернет), но и в особом субъектом составе. Основными субъектами цифровых платформ являются «традиционные участники» – контрагенты по договору. Непосредственно сама онлайн – платформа на сегодняшний момент уже расценивается как новый специальный субъект в лице ее владельца или оператора (администратора), когда эксплуатация площадки делегируется ее владельцем. К числу отличительных черт технологических платформ следует отнести и оформление отношений: помимо основного договора, который заключают стороны, появляется и дополнительный договор, оформляющий посреднические отношения с платформой. Вместе с тем правовая природа договорных отношений субъектов гражданского оборота и платформой является дискуссионным вопросом в судебной практике и российском законодательстве.

Что касается заключения лицензионных договоров на онлайн –

платформах, то их использование в таком качестве подтверждается как зарубежными исследованиями, так и разработкой платформы IPЕХ. С другой стороны, законодатель способствует развитию заключения договоров в сети интернет, чему свидетельствуют внесенные Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ изменения в статью 160 ГК РФ в части закреплении электронной формы сделок. Вместе с тем уже на этапе заключения договора платформы порождают определенные проблемы. Так, например, онлайн – платформы, в том числе основанные на blockchain – технологии, не стали панацей от актуальных проблем авторского права, связанных, например, с вопросами авторства или существования произведения. Также при регистрации на цифровых платформах не может быть стопроцентно гарантирована безопасность личного кабинета лицензиара или лицензиата. Наконец, вопрос об эффективности платформ для заключения лицензионных договоров является открытым.

Исполнение лицензионного договора во многом отличается, в частности, от договоров купли – продажи товара, заключенных дистанционным способом. Так, положительный эффект от использования онлайн – платформ для заключения лицензионных договоров и их последующего исполнения во многом будет зависеть от их инфраструктуры платформы (возможности предоставлять отчеты через платформу или осуществлять перевод денежных средств). В противном случае упрощения взаимодействия между сторонами соглашения посредством создания единого пространства не произойдет.

Заключение лицензионного договора на онлайн – платформе не влияет на условия ответственности сторон за неисполнение (ненадлежащее) исполнение договора. Все также применяются общие меры ответственности, предусмотренные для всех гражданско – правовых соглашений, а также действуют установленные законодателем специальные основания ответственности лицензиата. В то же время онлайн – платформа, работающая на технологии blockchain, позволяет предупредить нарушение лицензиатом

обязанности по выплате вознаграждения в виде паушального сбора ввиду автоматичности исполнения смарт – контракта.

По мере развития «платформенной экономики» операторы онлайн – платформ становятся субъектами гражданско – правовых правонарушений и начинают нести ответственность за нарушение исключительных прав, что подтверждается Директивой ЕС 2019/790, а также — ответственность по основному договору, стороной которого они фактически не являются.

Информационные технологии, в том числе цифровые платформы, стали неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. А скорость их развития и модернизации поражает воображение. И хотя говорить об опережающем правовом регулировании пока не приходится, тем не менее, представляется, что по мере еще большего использования онлайн - платформ, в том числе и для заключения лицензионных авторских договоров, многие вопросы будут разрешены по мере правового урегулирования общественных отношений, в том числе посредством применения уже традиционных и создания новых правовых институтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1 : федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 4 : федеральный закон от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.
3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ – 2019. – № 12 – Ст. 1224.
4. О защите прав потребителей : закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

Специальная литература

5. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2019. – 448 с.
6. Богданова, Е. Е. Проблемы применения смарт – контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 7. – С. 108 – 118.
7. Бондарчук, Д. Товарным агрегаторам придется отвечать за информацию о товаре наравне с продавцами // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 35. – С. 1 – 2.
8. Боярская, Ю. Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга // Юрист. – 2019. – № 8. – С. 39 – 43.

9. Бычков, А. И. Агрегаторы и маркетплейсы // Экономико – правовой бюллетень. – 2019. – № 12. – 160 с.
10. Бычков, А. И. Правовое регулирование экономики совместного потребления. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 136 с.
11. Глонина, В. Н., Семенова, А. А. Директива ЕС об авторском праве: совершенная защита прав авторов в цифровой среде или катастрофа для Интернета? // Журнал «Журнал Суда по интеллектуальным правам». – 2018. – № 22. – С. 49 – 63.
12. Дерюгина, Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. – 2018. – № 6. – С. 3 – 6.
13. Еременко, В. И. Директива Евросоюза о реформе авторского права в рамках единого цифрового рынка // ИС. Авторское право и смежные права. – 2019. – № 11. – С. 9 – 22.
14. Ефимова, Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Журнал “Lex Russica”. – 2019. – № 8. – С. 129 – 137.
15. Ефимова, Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 7. – С. 84 – 90.
16. Ефимова, Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 7. – С. 84 – 90;
17. Иванов, А. А. Бизнес – агрегаторы и право // Закон. – 2017. – № 5. – С. 145 – 156.
18. Карцхия, А. А. «Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2. – С. 36 – 41.

19. Карцхия, А. А. Гражданско – правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – Москва, 2019. – 394 с.
20. Карцхия, А. А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8. – С. 17 – 26.
21. Карцхия, А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. – 2019. – № 3. – С. 25 – 28.
22. Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2019. – 492 с.
23. Кузнецова, Н. Г. Преддоговорное информационное правоотношение, складывающееся при приобретении мобильных приложений // Электронное периодическое издание "Электронное приложение к "Российскому юридическому журналу". – 2018. – № 4. – С. 94 – 103.
24. Мажорина, М. В. О коллизии права и "неправа", реновации *lex mercatoria*, смарт – контрактах и блокчейн – арбитраже // *Lex russica*. – 2019. – № 7. – С. 93 – 107.
25. Мажорина, М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. – 2019. – № 2. – С. 107 – 120.
26. Мешкова, К. М. Распоряжение исключительными правами в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мешкова Кристина Михайловна. – Москва, 2014. – 249 с.
27. Молотников, А. Е., Архипов, Е. В. Социальные сети и компании – агрегаторы: правовые аспекты деятельности // *Предпринимательское право*. – 2017. – № 4. – С. 38 – 47.

28. Нагородская, В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно – методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Проспект, 2019. – 128 с.
29. Новоселова, Л.А. Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 268 – 277.
30. Останина, Е. А. Публичный договор, заключаемый онлайн, и защита прав потребителя // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – №8. – С. 67 – 75.
31. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – 528 с.
32. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с.
33. Рожкова М., Кузнецова Л. Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования // Хозяйство и право. – 2019. – № 1. – С. 27 – 34.
34. Рузакова, О. А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. – 2019. – № 9. – С. 2 – 8.
35. Рычкова, Н. Ю. Применение технологии блокчейн в охране авторских и смежных прав // Право в информационном обществе: трансформация или модернизация? Материалы V Международного сравнительно – правового конгресса. – 2019. – С. 93 – 102.
36. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32 – 60.
37. Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом:

правовое регулирование. 2-е изд. – М.: Статут, 2016. – 640 с.

38. Санникова, Л. В., Харитонов, Ю. С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 87 – 96.

39. Соيفер, Т. В. Гражданско-правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy): направления развития // Гражданское право. – 2019. – № 5. – С. 6 – 10.

40. Харитонов, Ю. С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. – 2018. – № 1. – С. 15 – 21.

41. Энтин, В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). – М.: Статут, 2017. – 216 с.

42. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. – 2016. – Vol. 32. – № 3. – P. 61 – 69.

43. Snyder, Francis. Economic globalisation and the law in the 21st century // Sarat Austin (ed.) The Blackwell Companion to Law and Society. Blackwell Companions to Sociology. Blackwell Publishing. – 2004. – P. 624 – 640.

Судебная практика

44. О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортным грузом, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 года № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 8.

45. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7.

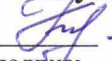
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт

Кафедра гражданского права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой


 Н. Ф. Качур
подпись инициалы, фамилия

«05» 06 2020 г.


БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01. Юриспруденция

Лицензионный авторский договор, заключенный на онлайн – платформе:
проблемы правового регулирования

Научный руководитель  Рычкова 05.06.2020 ст. преподаватель Н. Ю. Рычкова
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник  Шевцова 05.06.2020
подпись, дата А. В. Шевцова
инициалы, фамилия

Консультант  Кратенко 05.06.2020 к.ю.н., доцент М. В. Кратенко
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2020